

В.И. Мостовой

Человек Курчатов

Источник: Курчатов в жизни: письма, документы, воспоминания (из личного архива)/Автор составитель Р.В. Кузнецова. — М.: РНЦ «Курчатовский институт», 2007. с. 522 -527.

<http://www.world-war.ru/chelovek-kurchatov/>

С Игорем Васильевичем я познакомился и первый раз его увидел в начале июня 1947 г. В марте месяце 1946 г. после настойчивых требований я был демобилизован из армии. Приехал в Киев и поступил в аспирантуру Института физики АН УССР по специальности «Ядерная физика». Моим руководителем был Алек-сандр Ильич Лейпунский.

В 1947 г. он посоветовал мне на месяц для практики поехать в Москву, в Лабораторию Курчатова. Об этом он уже договорился с Курчатовым. Александр Ильич дал мне телефон М.И. Певзнера.

Прибыл я в Москву в день Победы 1947 г. Позвонил М.И. Певзнеру и рассказал, кто я и зачем приехал. Он назначил позвонить ему через два дня. Звоню, выслушиваю вежливые извинения Михаила Исааковича, что сейчас он не может принять меня. Звонил я месяц, и Михаил Исаакович каждый раз извинялся, называя разные (конечно, придуманные им) обстоятельства, по которым я не могу приехать к нему в лабораторию. Позже я узнал, что в это время мне оформляли допуск для работы (как я потом также узнал) в сверхсек-ретную лабораторию.

И вот, наконец, через посты вооруженных офицеров охраны я добрался до М.И. Певзнера. Он меня встретил тепло и радостно, познакомил со своими сотрудниками: Тамарой Александровной Лебедевой, недавно направленной к нему после окончания Ленинградского университета, и лаборантом Владимиром Григорьевичем Липатовым. Размещались они в 8-метровой комнатке на третьем этаже Главного здания. Входили они в радиохимический сектор № 3, который возглавлял Борис Васильевич Курчатов.

Игорь Курчатов (сидит справа) среди сотрудников Ленинградского физико-технического института

Игорь Курчатов (сидит справа) среди сотрудников Ленинградского физико-технического института

В то время уже работал в Лаборатории опытный уран-графитовый реактор. Он использовался, прежде всего, для накопления плутония-239 при облучении естественного урана. Борис Васильевич в то время с радиохимиками сектора с упоением отыскивали наиболее эффективные пути радиохимического выделе-ния плутония из облученных образцов урана. Физическая группа М.И. Певзне-ра при секторе должна была идентифицировать и определять количество выде-ленного плутония по его излучению, для чего разрабатывалась методика. Через три дня утром Михаил Исаакович стремительно вошел

в комнатку и с подчеркнутым удовольствием в присутствии группы сказал, что со мной в 11 часов хочет поговорить Игорь Васильевич Курчатов. Все это произошло так быстро, что я сразу не осознал сказанного. Но до встречи еще оставалось около часа, и я начал думать, что бы это значило и как это понимать?

Чем ближе время встречи, тем волнительнее становилось на душе. Что он будет меня спрашивать и как мне отвечать? Я уже знал, кто такой Игорь Васильевич. Меня вызывает Командующий фронтом. Да, фронтом, невидимым и неслышимым, но фронтом. После триумфальной Победы в Великой Отечественной войне в Лаборатории Курчатова шло сражение за Победу. Сражение с тайнами природы атомного ядра, которыми надо было овладеть и поставить на службу обороны нашей Родины, которую шантажировали атомной бомбой Трумэн и его воинствующее окружение. Фронтом командовал Игорь Васильевич! Какая же это будет встреча солдата Отечественной войны, только что прибывшего на фронт научный? Не приходилось до этого мне встречаться со знаменитыми людьми.

Кабинет Курчатова находился здесь же, недалеко, на третьем этаже. Заходим в приемную. Секретарь говорит, что Игорь Васильевич ждет. Михаил Исаакович для формы стучит в дверь и сразу же ее открывает. Вижу, из-за письменного стола встает могучий человек, типа Ивана Сусанина, и быстрой походкой идет к нам навстречу, весело улыбаясь, не только внешне, лицом, но и внутренне — глазами. Впечатляли его красивые глаза — веселые и пронзительные. Встречаемся в центре кабинета. Игорь Васильевич подает руку и здоровается. Предлагает садиться на мягкие кресла возле письменного стола. Волнение сразу прошло. Игорь Васильевич спрашивал меня, что и когда окончил, чем занимался. Затем стал рассказывать о работе уран-графитового реактора, о получении микрограммовых количеств плутония и т.д., о том, что теперь нужно срочно исследовать деление плутония-239 и урана-233 тепловыми нейтронами и сравнить его с сечением деления урана-235. Кратко обсуждаем, как это будем делать. Курчатов энергично встает, так же энергично произносит «привет», и мы с Певзнером уходим. Встреча продолжалась всего минут 15—20, но запомнилась на всю жизнь. Она и определила мою научную судьбу. Личность Игоря Васильевича предстала передо мной какой-то сказочной, воплощающей ум и силу русского народа.

На прием к Игорю Васильевичу, как правило, не ходили. Кого нужно и когда нужно, он сам приглашал. Беседовал, задавал интересующие вопросы часто в присутствии других, таких же приглашенных, по-деловому, четко и кратко. Энергичное «привет» или «физкультпривет, иди отдыхай» означало конец беседы, что нужно уходить, конечно, не отдыхать, а работать. Многословов и пустомелей Игорь Васильевич не жаловал.

На следующий день после встречи, вечером, Игорь Васильевич зашел к нам в сектор и, здороваясь с присущей ему прелестной улыбкой, спросил: «Как дела? Какие результаты?» Я растерялся. Какие же могут быть результаты? Ведь только вчера получил задачу.

Но в этом был весь Игорь Васильевич. Если возникла научная идея познать или исследовать что-то неизвестное и интересное — нужно немедленно приступить к ее воплощению. При этом Игорь Васильевич проявлял удивительную находчивость и

изобретательность, чтобы провести интересующий эксперимент в кратчайшие сроки и с минимальными средствами. Удача в таких импровизированных экспериментах во многом обязана его широчайшей научной эрудиции и интуиции физика.

Проходил месяц за месяцем. От Игоря Васильевича шли телеграммы Президенту Академии наук УССР А. В. Палладину с просьбой продления моей командировки еще на очередной месяц.

Работы по изучению деления тепловыми нейтронами плутония-239, урана-235 и урана-233 шли успешно. Были изготовлены тонкие слои этих изотопов. Плутоний уже был доступен в количестве десятков микрограммов. Была изготовлена двойная ионизационная камера, в которой центральным высоковольтным электродом являлись мишень урана-235 и одна из мишеней плутония или урана-233. Мишень урана-235 служила мониторной, по отношению к которой измерялся эффект делений на остальных мишенях. Сами измерения занимали не много времени. Было замечено, что закардиевое отношение для изучаемых протонов различается. Оно отличалось и от величины закардиевого отношения для бора-10. Этот факт инициировал рождение нейтронной спектрометрии на пучках реакторов.

Когда дело шло к завершению этой работы, Игорь Васильевич предложил измерить отношение сечения деления урана-238 к сечению деления урана-235 на спектре нейтронов деления. Для этого эксперимента практически все было готово. Необходим был только конвертор тепловых нейтронов в нейтроны деления и слой урана-238. В качестве конвертора была использована плита металлического урана размером 50 x 50 x 1 см. Она устанавливалась под реактором, а на нее помещалась двойная ионизационная камера, окруженная бором. В.И. Чурик [1] звонит нам: «Я привез урановый стакан. Куда доставить?» Сей-час это выглядит, как сказка. Но это было. Такой стиль и организация работы Игорем Васильевичем привели к тому, что и атомная проблема была решена в сказочно короткие сроки. Сколько же сейчас (пишу в 1996 г.) нужно затратить времени и сил, чтобы изготовить такой стакан из урана? Думаю, что обычным порядком, без помощи, например, министра, такое изделие можно получить через несколько лет.

В научном работнике Игорь Васильевич прежде всего ценил страсть к изучению нового, еще неизвестного, живой творческий ум. Поручая ту или иную ответственную работу, он не обращал внимания, есть ли ученая степень, звание, научные заслуги. Он отдавал предпочтение молодежи, прогрессирующим, с творческим потенциалом людям, в противоположность людям, может быть, гениальным, но бездельничающим или работающим без энтузиазма. Сам Курчатов был оптимистом в любых ситуациях и условиях и не терпел пессимистов, которые каждую новую идею эксперимента встречали возражением: «Это сложно, а что будет, если... Не стоит браться, не получится...» Многие, знающие, со званием и степенями пессимисты оказывались не у дел. Их Игорь Васильевич просто не замечал. А не имеющим еще ученых степеней — В.К. Войтовецкому, В.А. Давиденко, Б.Г. Дубовскому, М.И. Певзнеру и многим другим — Игорь Васильевич доверял важные и сложные научные задачи, которые необходимо было решить для создания атомной промышленности.

Савелий Моисеевич Фейнберг — яркий пример из числа творческих ученых, которых ценил Игорь Васильевич. Прибыл в Лабораторию № 2 в 1946 г. и занялся вопросами физики и техники реакторов, не имея ни малейшего представления о ядерной физике. Он окончил архитектурно-строительный институт. Но обладая творческим умом, богатой фантазией, инженерными знаниями и при поддержке Курчатова он очень быстро освоил проблему и стал одним из ведущих ученых по промышленным и исследовательским реакторам. Его блестящие идеи и предложения нашли реализацию в разных типах реакторов: высокопоточном реакторе СМ-2, импульсном реакторе «Доуд-3» и других. Его доклады на семинарах и конференциях всегда воспринимались с интересом и живо дискутировались. Он так-же блестяще читал лекции по физике и технике реакторов, будучи профессором МИФИ. Как ученого и человека, Игорь Васильевич его любил и ценил, ласково называл «Савка». Ни одно серьезное предложение по физике и технике реакторов Игорь Васильевич не пускал в дело, не посоветовавшись с «Савкой».

Курчатов был далек от стереотипа ученого, изображенного С. Бондарчуком в фильме «Выбор цели». Разве немощный, больной человек, передвигающийся с палочкой, мог решить такую невиданную еще в истории науки и техники проблему в фантастически короткие сроки?! Курчатов был могучим Человеком, предназначенным для свершения такого дела. Он был веселым и жизнерадостным. Любил шутить и правильно воспринимал шутку в свой адрес. Я помню такой случай. Игорь Васильевич всегда поднимался в свой кабинет на третий этаж по лестнице быстро, с характерной для него прямой походкой, энергично здороваясь с встречаемыми сотрудниками резким поклоном головы и словами: «Привет» или «Добрый день». Лаборант нашей группы Володя Липатов, любивший шутку и умевший шутить, решил воспроизвести походку Игоря Васильевича по лестнице и его приветствия. И это ему блестяще удалось. Те, кто видел, пришли в восторг. Однажды его подражание увидели Борис Васильевич и Людмила Никифоровна Курчатовы. Они развеселились, в тот же день вечером рассказали Игорю Васильевичу. В то время Борис Васильевич с Людмилой Никифоровной жили в домике Игоря Васильевича. При первой же встрече с Липатовым, поздоровавшись с ним, Игорь Васильевич потребовал: «А ну-ка покажи, как ты меня изображаешь?» Пришлось Липатову подчиниться. Игорь Васильевич с восторгом это наблюдал и на прощание сказал Липатову: «Ну и артист же ты! Молодец!»

Курчатов был доступен любому сотруднику Института. Обычно он знакомился с ходом дел на месте проведения эксперимента и вникал в них. Но когда требовалось обсудить вопрос со специалистами разного профиля и выработать решения, то он приглашал к себе в кабинет. Четко ставил вопрос и держал ход дискуссии в руках, поражая и удивляя всех эрудицией в вопросах, даже далеких от своей специальности, исключительным тактом в общении с участниками совещания, создаваемой им атмосферой непринужденности, доверия и доброжелательности. Если даже аргументация и предложения участника совещания отвергались, последний никогда не испытывал чувства обиды и ущемления. Среди ученых считалось большой честью быть приглашенным на такие совещания.

Их Игорь Васильевич никогда не затягивал. Умел тактично, иногда с уместной остроумной шуткой прервать «водолея». Так же четко беседовал один на один. И когда вопрос был ясен, он обычно поднимался, прощаясь энергично: «Привет. Можешь отдохнуть!»

Такая система общения с людьми исключала томительное ожидание на «прием». В приемной Игоря Васильевича не было ожидающих.

Игорь Васильевич чутко относился и к личным запросам людей, решал их быстро. Много можно привести случаев его помощи, о которой живущие сей-час с благодарностью вспоминают. Вот один пример. После успешного запуска селектора на пучке реактора РФТ и начала измерений на них я считал, что лабо-ранты, радиоэлектромонтажники и техники заслуживают поощрения. Действи-тельно, они работали самоотверженно, не считаясь со временем, по монтажу первого многоканального анализатора, стабилизатора скорости вращения пре-рывателя, оборудования пучка, юстировке селектора и делительной камеры на нейтронном пучке и по наладке и запуску всего нейтронного селектора в целом. Решил обратиться к Игорю Васильевичу — просить повысить им зарплату. Напи-сал обоснованное ходатайство и явился к нему. Он внимательно прочел. Не задавая мне никаких вопросов, написал резолюцию начальнику финансового отдела: «Прошу положительно решить вопрос о повышении заработной платы указанным товарищам. Они этого заслужили». Через три дня был подписан приказ. Для некоторых из них это было последнее повышение в зарплате. [...]

Так случилось, что в последнюю неделю жизни Игоря Васильевича мне при-шлось встречаться с ним по делам несколько раз. Необычным явилось то, что Кур-чатов впервые пригласил для делового разговора Тамару Александровну Мостовую, мою супругу, проработавшую в Институте 13 лет и до этого ни разу с ним не бесе-довавшую. Было ранее утро, понедельник, 1 февраля 1960 г. Только что, 30 янва-ря, Игорь Васильевич возвратился из поездки в Киев и Харьков. Рано утром у нас дома зазвонил телефон. Беру трубку, слышу: «Привет!» Узнаю голос Игоря Васильеви-ча. «Ты не спишь? Тогда вместе с Тamarой ко мне». — «Куда, домой?» — «Нет, на работу». Быстро одеваемся с Тamarой и являемся в Главное здание. Еще темно. Открываем двери здания и видим, как Игорь Васильевич направляется к лифту. За ним спешит Дмитрий Семенович Переверзев[2]. Тамара говорит: «Обождем, не бу-дем заходить, пускай уедут». Тамара волнуется: «Что случилось?»

Медленно поднимаемся по ступенькам на третий этаж, заходим в приемную. Секретаря Татьяны Сильвестровны еще нет. Дмитрий Семенович говорит: «Игорь Васильевич вас ждет». Открываю дверь, пропускаю вперед Тамару. Игорь Василь-евич встает, радостный и улыбающийся, быстро шагает навстречу Тамаре, подает и пожимает ей руку: «Здравствуй! Я знаю, ты на меня обижаешься. Но теперь мы будем друзьями». Здоровается со мной, предлагает садиться. Садится и сам. Начи-нает говорить о том, как он встречал Новый, 1960 г. в обществе Н.С. Хрущева, в то время Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР. Рассказывает о его новогодней речи, выделяя подробно ту ее часть, которая отно-силась к нашим женщинам. Хрущев сказал, что «на Западе говорят, что у нас нет женщин, что наши женщины — это грубая рабочая сила в ватниках и кирзовых сапогах, у них нет ничего женственного». Эту клевету он отмел в следующих сло-вах, обращаясь к Западу: «Да, наши женщины сейчас хуже одеты, чем ваши. Но наши женщины, в ватниках и сапогах самоотверженно работая в тылу, сражаясь на фронте, обеспечили наравне с мужчинами Победу во Второй мировой войне, спас-ли ваших женщин от порабощения и истребления фашизмом. После войны наши женщины вместе с мужчинами восстановили разрушенную страну. Сейчас наравне с мужчинами активно

участвуют во всех сторонах политической, экономической и научной жизни страны. А что ваши женщины? Это разукрашенные куклы, с кото-рыми играют, а потом выбрасывают за ненужностью».

«И вот я, — говорит Игорь Васильевич, — решил показать роль наших жен-щин в такой области науки, как ядерная физика. В этом году в Канаде состоит-ся международная конференция по физике деления. Я знаю, — обращаясь к Тамаре, — о твоих работах по распределению масс осколков деления... Тебе надо форсировать их, надо написать доклад и поехать на конференцию. Пусть уви-дят, какие наши женщины. Думаю, что с тобой также поедет дочь М.В. Пасеч-ника[3]. Она сейчас студентка Киевского университета, химик. Я с ней беседо-вал. Она смогла бы в дополнение к твоим физическим исследованиям добавить радиохимические по выходу осколков. Я думаю, что Борис Васильевич и Люд-мила Никифоровна (Курчатовы. — Р.К.) также помогут». Несколько вопросов взволнованной и еще не осознавшей происходящего Тамары, и беседа законче-на. «Ну, так теперь мы друзья?» — пожимая руку на прощание, говорит Тамаре Игорь Васильевич. К сожалению, этому плану не суждено было осуществиться. Это происходило за 6 дней до смерти Курчатова.

Последний раз я видел Игоря Васильевича в субботу 6 февраля. Татьяна Сильвестровна около 12 часов дня позвонила и сказала, что Игорь Васильевич просит зайти. Захожу. Он — напротив, в кабинете у Гончарова. Приоткрываю дверь, вижу, он ходит по маленькому кабинету с папиросой, курит. Гончаров сидит в своем кресле. Кто-то еще был, не помню. Увидев меня, Игорь Василь-евич воскликнул: «А, заходи, заходи! Здорово!» Подал руку и долго держал ее, не отнимая, пристально глядя мне в глаза.

На следующий день, когда Певзнер М.И. в 11 часов сообщил мне страш-ную весть, всю эту сцену я с ужасом представил, как прощание. Игорь Василь-евич сообщил мне, что звонил в министерство Козлинскому, который занимал-ся изделиями из урана, и просил выделить для нашего эксперимента необходи-мые две тонны урановых блочков. И мне нужно созвониться с ним — он все решит. А дело касалось промышленных урановых блочков, необходимых для сооружаемой подкритической сборки, на которой мы планировали изучать про-странственно-энергетическое распределение тепловых и замедляющихся нейтро-нов в уран-графит-водяной решетке промышленного реактора. О работе я рас-сказал Игорю Васильевичу незадолго до его поездки на Украину. Просил по-мочь с получением промышленных блочков. Через сутки — 7 февраля — смерть и 9 февраля — прощание навсегда в Колонном зале Дома Союзов.